

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

133

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 133

TRIMESTRIEL

I — 1981

ПИСЬМА З. Н. ГИППИУС Е. ЛОПАТИНОЙ и С. ЕРЕМЕЕВОЙ *

(публикация Т. Пахмусс)

22 Ноября 30

Париж

Дорогая моя Катя, поздравляю с днем Ангела, без конца целую и очень огорчаюсь, что не с вами в этот день! Непременно бы приехала в Клозон, если б не столько километров отделяли меня от него! Поздравляю О. Л. с именинницей. Думаю, вы нынче хорошо помолились. Когда же получу мерку для престола?

Здесь холод зимний, трава вся белая, — мороз. С непривычки неуютно! Никого еще здесь не видели, ни Илюшу, ни Амалию, только Т. Ив., которая меня удивила: слухи говорят, носят, что вы — в Париже!!?

Очень меня поразила сегодня смерть Марии Сергеевны, этой элегантной «Мани», с которой Вера Ник. так дружила и которую я помню на Mont Fleuri. Оказывается, у нее была серьезная операция (женская) и благополучно. Но вдруг почему-то сделался заворот кишок. Как это неожиданно.

Но в поздравительном письме некстати об этом распространяться. Да только приятных новостей нет. Володя нас покидает, переезжает куда-то на другой конец города, по рекомендации своих знакомых. От старухи его высадили, а вблизи все очень дорого, он же с претензиями, как вы знаете, да и вообще давно в лес куда-то глядит. Т. Ив. здорова. Ася бедствует, но за то стала тихенькая.

Еще раз крепко вас целую, от Дм. С. тоже поздравления и поцелуй. Христос с вами.

Ваша Зина Г.

---

* Продолжение. Начало см. «Вестник» № 132.

Милая Катенька, большое вам спасибо за ваше хорошее, длинное, милое письмо. Я, ведь, куда перед вами виновата: к празднику ничего вам не написала. Но очень думала о вас, верьте. Спасибо и за обращение: я знаю теперь, где нужно искать подходящего, и недорогого (точь в точь такого вряд ли удастся найти, да и очень хорош.) Как только выберется приличный день — отправлюсь. До сих пор сплошь идет дождь, или проливень, или накрапывает, или в виде грязного снега. И я даже к Тат. Ив. не всегда попадаю. Вот и сегодня не могла выйти, а сегодня ее рождение.

Дождались ли вы вашей сестры? Какая она? Она очень меня интересует. Вы уж очень хорошо о ней рассказывали. Видели ли Амалию и беспардонного Илюшу? Буниных, верно, давно не видели, они редко с горы сползают. Ваше бытие, а вернее — житие, именно таково, как я и думала: труды и трудности, и все это беспросветно. Насчет трудностей — вот уж когда вы не одиноки: мы все, русские, скоро упремся в тупик. Об Ив. Ал. вам нечего рассказывать, как он бедствует; но и все приблизительно так же. Притом хуже и хуже. Чехословакия нам всем прекратила поддержку, — устала! Для меня это особенный удар, ибо я сейчас безработная и только деньги чехов считала с в о и м и, и сплошь их, ежемесячно, отправляла в Россию, сестрам. Что будет сейчас — я уж и не знаю... Ведь подумайте, целое лето мы работали над фильмой, а фильму, из-за кризиса, в Америке не купили, притом фильмовик наш оказался таким мошенником, что даже удивительно и страшно... Ко всему этому и Ася в ужасном положении, без работы, так что нужно хоть ей давать на пропитание и платить за квартиру. Я себя все-таки очень виню, что не извиваюсь ужом перед кем попало из редакторов, могла бы, еслиб захотела очень, комунибудь «потрафить...» Теперь уж нечего смотреть, Милюков так Милюков... Но и Милюков меня больше не хочет, подозревает, что я как-нибудь прорвусь, он не усмотрит... Эдакое несчастье, слава беспокойного характера!

А вот, дорогая моя, что я вам скажу насчет ваших огорчений по поводу книги Д. С-ча и евангельских чудес.

Я вам немножко уж говорила в Cannet, как я думаю об этом, — вообще, — т. е. на каком фундаменте я строюсь. О двух реальностях (двух мирах) и что они между собою соединены, но как — мы не знаем (быть может, один в одном). Не зная, мы и не видим, обычно, второго мира, он для нас под плотной завесой.

Лишь в редчайшие моменты для некоторых совершается разрыв этой завесы, по Божьей воле, и тогда видно, что будучи **здесь**, мы и **там**. Преображение Господне было, ученики видели не видение, а то, что подлинно **было**, т. е. соединенно оба мира, обе реальности.

Я не могу, конечно, все это так ясно рассказать, как понимаю, а потому очень была рада, прочтя в **Пути** Салтыкова,⁴⁵ где он вкратце пересказывает, на какой «третий путь» ныне вступает богословие (он приводит имена). Это как раз то, что я говорю. Особенно ясно он говорит, что когда двое спорят о чудесах, один все принимает, другой все отвергает, то оба они стоят на одной и той же **материалистической** точке зрения. Это очень верно! Ведь подумайте: они спорят оба о «законах природы»: один говорит: они были нарушены! Ну, и оба неправы, потому что «на неверно поставленный вопрос **любой** ответ будет неверным».

Ходил ли Христос по водам? материалист скажет: нет; вы скажете: да; и оба, в это время, будете заняты **ЭТИМ** миром, одним, материалист — ненарушимостью его законов, вы — нарушением. А все дело в том, что и вопрос-то неверно поставлен. Для того, кто считает Христа только человеком и мир — только одним, перво-реальным, — вопроса этого вообще нет, как бы ни ставить. Но для другого, для кого Христос Бого-Человек, — для того и вопрос, и ответ — ясны: мог ли Он, находящийся в двух реальностях (в двух мирах и естествах) открывать глазам любви и веры это свое нахождение и соединение, прорывая для них завесу? Ответ — конечно, мог. И так это **было**. Объективно было, как объективно есть то, чего мы не видим. **Что** мы видим и **как** мы видим, и **когда** видим или не видим, это зависит от глаз. Ведь иначе и слепой станет уверять, что того нет, чего он не видит.

Чистые церковники, требующие абсолютной веры во все чудеса, признаваемые церковью и так именно признаваемые, материально (насыщение хлебами — умножение материи) — они рискуют сделать христианство, современем, приемлемым только в детском возрасте, или людям, которые просто живут, о христианстве вспоминают в редкие моменты и об этом не задумываются. А других, со слабой, но все-таки современной мыслью, можно оттолкнуть в полное неверие. А ведь Христос для всех пришел, и для всех времен, — неправда ли?

Много я вам еще хотела бы сказать, но и так целый трактат вышел. Я не знаю, как Д.С. напишет о Божьей Матери, но уж наверно знаю, что ни у кого Ее не «отнимает». Напротив, часто вот такое, чисто-материальное опять чудо, просто, мол, тело под-

верглось действию Духа святого, наталкивало на кощунства, вроде пушкинской «Гаврилиады», и соблазняло.

Простите, родная, что я так записалась об «отвлеченном» (но разве уж очень отвлеченное?) и теперь спешу кончить. Глубоко уважаю я и святую детскую веру, каждому дается в полноте, как ему нужно. Надо лишь, веру не разрушая, ее приумножать и преображать. Целую вас без конца, и милую Ольгу Львовну, дай вам Бог утешения и бодрости и сил побольше. Когда будет минуточка, черкните строчку.

Ваша Зина

Видите ли Амалию и Илюшу? Что — они?

15 Апр. 31
Париж

Воистину воскрес! бесценная моя Катенька.

Уж такое-то вам спасибо за письмо. Чтобы вы не думали о моем, будто бы, забвении, скажу вам, как перед праздником все время я на себя ужасалась, что все пишу вам, и тут же нагло себя утешала, что на праздниках все равно, мол, напишу, а «вся неделя за один день...» Но, конечно, будь я на вашем месте, я бы это за оправдание такого поведения не приняла. Это уж вы умеете за все добром платить (научились!). А я, глядя на себя, по совести прескверной себя нахожу. Только и есть, что **понимаю** других: Терезу читаю — ее, терезину душу, понимаю; ваше письмо читаю (о «посещении» и радости) и вас понимаю. Даже больше, чем вы могли сказать (хотя хорошо и много сказали), и больше, чем я вам свое понимание могу выразить; так что уж на слово поверьте. Перед отъездом сюда, в Cannet, я кое-что, близкое к этому, записывала в тайной тетрадке, мои размышления о «Пути» Христовом,⁴⁶ как он открывается и что на нем дается. Но, конечно, я слишком «вперед простиралась», это уж мое свойство. Если же «простиранья» откинуть мои мысленные, то многое верно. Я вам как-нибудь при свидании почитаю.

Дм. Серг. шлет вам троекратный поцелуй и поздравление. Он теперь пишет об Иоанне Кр. и о крещении, и так много неожиданного в греческих Евангелиях. Например, нигде Дух Святой не «голубь», а определенная «голубка». Кроме того не в перьях, а в чешуе, — как ее и св. Тереза видела... Ну, об этом долго, а теперь пока о «делах жизни» поговорим.

Не очень-то видно, когда мы приедем. Дела наши из рук вон плохи. Все «фильмы» провалились, отцвели, не успев расцвести, Д.С. работает для неизвестно какого будущего, я — совсем без гонорара, иностранную помощь у литераторов отняли (кризис), и так мы, неизвестно как, и живем. У меня было подряд 4 гриппа, один хуже другого, и наконец оторвалась почка (Ив. Ив. говорит — от похудения). Так что двигаться неприятно, надо заказывать особый корсет-бандаж. И все так, одно за другим. О России-то какво думать! В три месяца раз получишь открытку, а в ней пустые строки... за которыми агонию читаешь. Но не хочу в сороковой раз жаловаться, тем более, что надо, ведь, **сверх** этого быть счастливыми, и это счастье, одно, и есть «сверх-счастье», подлинное.

Я нашла вам чудесную материю на престол, в **Von Marché** (Тат. Ив. привезла образец), но хочу, когда выйду, сама еще поискать вроде, т. к. вы не хотите дорогой, а эта дороговата, 30 fr. метр. А ее нужно, по вашему письму, не меньше 4-х метров. Но хочу найти и купить **обязательно**. Если выяснится, что мы скоро приедем, то привезу (и портфель для писем вам), а то пришлю. Знаете ли, что я вашу статью читала, и то по случаю, одну первую часть? Эту газету **нигде** не достанешь, так распоряжаются! Все мои старанья добыть конец (а мне все очень понравилось, кроме заглавия) были ни к чему. Сегодня видела во сне Сену, так ярко, и живую, только похудевшую. Даже рассердилась, зачем говорили, будто она умерла! Была такая хорошая...

Но кончаю, целую вас, родная, без конца, О. Л. целую и поздравляю с праздником. Еслиб не грешно — завидовала бы вам; но нет, больше радуюсь за вас, что вам хорошо.

Зина

Елизаветушке от меня поклонитесь.

28-7-31

Париж

Милая Ольга Львовна, и дорогая Катенька!

Прежде всего, радуюсь за вас, что удастся вам нынче из-за этого лица хоть немножко вздохнуть. А затем, как всем нам ни грустно расстаться с мечтой пожить вместе, Бог лучше знает, что надо, Катя в этом права. Мало ли что мы предполагаем и рисуем себе: если не выходит, а мы все-таки упорствуем, то на деле по-

лучаем совсем другое. Сколько бы, правда, внесли мы в вашу жизнь лишней тревоги и беспокойства, благодаря вашему сердцу и желанию сделать, чтоб нам было хорошо! Понимаю Катины страхи вполне; и как это раньше сама я об этом не подумала! Но, право, не из эгоизма, хотя бы наивного, а из какой-то моей психологической непрактичности. Я больше воображала, как буду писать воспоминания о Поликсене Соловьевой, с помощью Кати, освежающей мою память, чем думала о вашей, Ольга Львовна, и Катинной работе и занятости, при 18 детях-то! и усугубленной заботе о нас; такой заботе, которую мы не могли бы, конечно, оплатить вам во всю меру ее ценности.

Теперь наша судьба устроена: мы решили остаться в Париже. На время отъезда нашей Катерины — возьмем какую-нибудь *femme de ménage*; может быть Тат. Ив. порекомендует, они скоро приезжают. А в конце месяца, когда вернется прислуга и будет убирать квартиру, поедем дней на 9 куда-нибудь в пансиончик под Парижем. Если б Ася была другая, она бы нам хорошо помогла справиться это время без прислуги; но вы знаете, какое от нее искушение, особенно для меня; побеждать его непрерывно — очень много сил берет, нужных на другое. И Д. С-чу, при его работе, с ней тоже было бы трудно. Она же сама теперь устала и раздражена, — наш «кризис», ведь, и на ней отзывается.

Дай Бог, чтоб у вас теперь поскорей устроилось с лицом. Хочу верить, что уже устроилось, и передышка ваша недалеко.

Катю прошу написать мне, только не раньше, чем все у вас утрясется, наладится, и у нее будет немножко больше свободного времени; а то меня совесть мучит, когда она, усталая, каракулит мне что-то, отрывая время от сна.

Ну, целую вас крепко обеих, низкий поклон от Д.С., еще раз спасибо вам за все. Да хранит вас Господь.

Ваша Зин. Гиппиус

Суббота, Сентябрь 31.

Париж

Катенька моя безценная! Это еще не письмо, извещающее о дне приезда (ибо билеты еще не взяты), к моему огорчению и стыду перед вами за подобную волокиту. Мы эти дни живем, как на углях: должно решиться одно дело, которое могло бы

стать серьезной подмогой, и должно оно было решиться, так или иначе, неделю тому назад; но все идет непредвиденная тянучка, каждый день является что-нибудь новое; и каждый день мы переходим от надежды к унынию, и обратно. Окончательный финал назначен на ближайший в т о р н и к, таким образом нас не будет далее уже ничто задерживать; хотя бы дело и провалилось, мы все же приедем; но до вторника еще есть надежда, и невозможно, психологически, двинуться. Очень огорчаюсь за вас, верьте, я понимаю, как наша неаккуратность для вас неудобна; но простите, отпустите Бога ради; мы, ведь, не ждали, и самим это невесело, измучились.

Я все время плохо себя, к тому же, чувствую. Не диво — каждый день, б у к в а л ь н о, под дождем; сырость такая, что все мои перья, иголки и ножницы заржавели. А по ночам, все эти недели, я за работой; одну, слава Богу, кончила, а другую, довольно противную, еще не совсем, но ей передышка.

С Тат. Ив. вижусь каждый день, как ей ни жалко, что я уезжаю, а все-таки и она гонит скорее, глядя на наши физиономии. Сегодня, после дождя, такой наступил холод, что без шубы выйти нельзя, а я сижу в шерстяных чулках и дрожу.

Милая Катенька, все Клозонские «неудобства» чистые пустяки, одно я хотела спросить: будет ли мне утром и вечером кувшин горячей воды? Если трудно, — обойдемся, а то я спиртовку привезу.

Целую вас, дорогую мою, без конца, обнимаю Ольгу Львовну, храни вас Господь, а вы нас за беспокойство простите.

Ваша Зина

P.S. Если бы, дал Бог, устроилось наше дело, привезу вам давно обещанные подарки.

14 Ноября 31

Париж

Бесценная моя Катенька, пишу вам (ни на секунду не забывая о милодорогой Ольге Львовне, с которой, в мыслях моих, вы неразделимы; ведь так удивительно и чудесно: обе совсем разные, и обе — одно. Должно быть, сама «разность»-то ваша — чудесная).

Итак — мы в Париже. Но еще до такой степени в Клозоне, что мне, Катенька, грезится, вот вы к чаю придете, и я вам все расскажу, а писать, синим по голубому, даже и странно, и будто бы не стоит. Пока я здесь не привыкла, длинного обстоятельного письма, пожалуй, и не напишется; кстати и фактов интересных, новых, еще не знаю. Кроме Манухиных и Аси никого не видала, да и тех начерно. Но кое о чем все-таки напишу, только по порядку. Сначала, простите, о нас... да и прощения не прошу, ибо знаю, что мы для вас не пустой интерес.

Д. С. нервничал о своем лице; но уже сейчас ему много лучше. Но теперь заботят дела, которые в улучшение не пришли. Половцев ничего не написал, т. ч. Д. С. ему позвонил уж по телефону. Тогда, на другой день, он приехал и сказал, что для нас у него ничего не вышло, полный отказ везде. Но для Клозона — он очень надеется получить помощь от Монтекарловского мэра, — по возвращении. Ну, хоть это, все-таки радость за вас, если ему удастся.

Милюков чуть не умер (холерина), но Ив. Ив. его отходил. К счастью, ему понравилось мое «Светлое Озеро», будет его печатать и даже обещает аванс. За последний фельетон мой в «Посл. Новостях» они послали 314 fr. в Клозон, когда мы уже уехали, верно скоро это нам вернется от вас. В «Илл. России»⁴⁷ тоже напечатали маленький мой рассказ. Конечно, все это гроши одни, но присутствия духа я нисколько не теряю, увлеченная вашим Клозонским примером. Да здесь все в «кризисе». С удивлением услышала, будто Бунин в Париже. Приходил, говорят, к Амалии, но не вошел, т. к. она еще лежит (была гастрическая инфлуэнца), а он боится. К нам носу не показал. С Галиной,⁴⁸ что ли, приехал?

Но это неинтересно, — а вот про всякое другое. С Ив. Ив. Вениамин говорил не как с Катей. Тот ему: «что же, ваша церковь, значит, большевицкая?» А он: «ну да, конечно большевицкая!» — «А прихожане-то, не понимают? — «Дураки — не понимают. А кто поумнее...»

Да еще и про ГПУ — не протестовал: «да, да, да...» Потом (последнее идиотство!) — испугался и спрашивает: «А вы меня не убьете?» Это доктору, к которому лечиться пришел!! (Он и раньше у Ив. Ив. лечился, притом успешно; теперь опять пришел — и такое вдруг спрашивает, да серьезно!) Там, вообще, линия извращения чуть не до хлыстовства: что в России — то и мы! Там лгут — и мы будем лгать. Закрутились. Понятно, что Кал-

лаш⁴⁹ уже «доходит до апогея» и готова, по образу древних вакханок, растерзовавших Диониса, растерзать Евлогия. Конечно, и Евлогий со своим «грекосом», не малина и не идеал, однако хоть не посягает на собственноручное разтерзанье других, и то слава Богу. Председатель Имки перешел тоже к Елавер. Теперь, в куче Бердяева,⁵⁰ Имки и т. д. — вьется Илюша (которого мы еще не видали, но который, вы знаете, не поймет).

Асю видела вчера. Очень жадно о Клозоне спрашивала. Обе они с Татá вашей, в бедственном, конечно, положении. Насколько я могла понять, вся беда и сомнения Татá из за того, что вы, Катя, ей чего-то (или совсем ничего) не написали. Но я хочу эту Татá позвать, — подол мне переделать, — и тогда сама с ней поговорю и посмотрю. Я через других мало понимаю, особенно если особа такая фантастичная (или истеричная). Письма от О. Л. она еще не получила.

За пакетом пока не приходили. Туфли Ростика я сама передам Варв. Конст-ве — завтра, я думаю. Я не могла понять, зачем их посылает О. Л., а теперь, после разговора с Т. Ив., многое поняла. И вам расскажу по порядку.

Дело в том, что всякие глупые и нищие русские мамыши с не менее глупыми дочками, или бабушки со внучками, побывав в Клозоне, начинают недовольства распускать. Что это, мол, за *Preventorium*, коммуна какая-то! Одной девочке семья наскребла — конфет на рожденье послала, а девочка и не увидела ни одной: всем раздали. И вообще, все одинаково понимаем, что такое **русские**, особенно теперешние русские женщины, и «сестры», и не сестры.

Когда я Т. Ив-не о Клозоне и о вас рассказывала и кое-что из записи моей читала, она меня вдруг прервала: «да ведь они сами не знают, а они уж по духу как бы в *Cambrai...*» На что я хотела ей ответить моим стихотворением в вашей книжке... и вдруг его забыла (как все мои стихи забываю, я их обычно лишь **в о с с т а н о в л я ю**, когда хочу, но этого нельзя сделать вмиг, сразу).

Бросим, однако, эти мещанские русско-сплетнические души с ихними «*proouesses*», это сокрушительно и, мне, вашей добротой не обладающей, даже противно. Вот вам, Катенька, и Кроля в последний момент стало «жалко», мне же нисколько, меня от него издали, и то все время отвращало. А здесь о нем такое известно (и без сплетни), что повторять не хочется, и понятно, что меня от него точно веревкой прочь тянуло. Хороши бы вы были

с таким, кому что пришлют родители, если у другого нет, — ему отдают, чужому. А Ростик, будто, бабушка 60 fr. на башмаки 2 месяца тому назад послала, он же все время ходил босиком. Кроме того — за детьми не смотрят, никого нет для призора, гулять не водят, а мальчики, особенно один, еврей, (Марк?) к девочкам «пристают». Одна девочка даже убежала...

Тат. Ив. говорит: «ты знаешь, как я к ним (к вам) отношусь: всей душой! И я всем отвечала, что ничему этому не верю, лишь твоим одним рассказам могу поверить. И прекрасно понимаю, откуда являются все эти толки милые. Эмигрантские нищие скудоумные мамы претendent, по наслышке, на какой-то внешний модернизм для своих отпрысков: чтобы стройно-вымуштрованные дети, элегантно прибранные, занимались спортом, гимнастикой, современными играми и — уж не знаю, что еще, для показа и самоудовлетворенья. В проспектах, мол, вон как расписано; а тут капризная девчонка какая-нибудь и злится, что не по ее, и мамаше грязную лапу показывает, и что еще слушаться надо...»

Впрочем, все и без объяснения понятно вам, Катя, да и мне, и Тат. Ив., — мы, ведь, «настоятелем!» Да, впрочем, довольно и письма было его, чтоб иметь понятие, остальное прикладывается.

Милая Катюша моя, я, видно, не могу кончить это письмо, все пишу да пишу, а уж пора спать, иначе все клозонские привычки потеряю. Придется все остальное, что еще имею сказать, до следующего письма оставить. От ДС. — «с любовью низкий поклон» (так он говорит, и хотя это на солдатское письмо в деревню похоже, но это сейчас — точно, да и дальнейшее): еще кланяемся мы оба ю. Иллариону, с просьбой нас не забывать, и простить, если у меня «вид, не свойственный благочестию»; хоть благочестием своим я не хвалюсь, а все же по виду прошу меня не судить. Посылаю привет Аничке; из ее гимназии Каллашиху уволили за «неуметную пропаганду»; ни о какой монахине из Сов. России (она писала) никто здесь и не слышал. Всем детям, вплоть до Сазончика (если он послушен и не кривляется) тоже от меня добрую память передайте.

Как Заикины дела? А собачка у Амалии умерла, бедная, — от чумы.

Катя милая, я вас постоянно «обдумываю», и остановиться не могу. Много уж надумала, только смотрите: вдруг я вам такое длинное письмо напишу, что вы за статью его примете и... не прочтете, как статей не читаете?

Ну, шучу, я знаю, что вы только по печатному не читаете.

Прощайте покуда, умница моя хорошая, целую вас без конца, поочередно с Ольгой Львовной. Зная, как вы ничего не успеваете, и какие ваши дни, боюсь даже просить ответа, но ей Богу очень хочу знать, что у вас там происходит, и внешне, и внутренне!

Привет Клозону, целиком. Храни вас Господь!

Зина

P.S. ДС. надеется, что Ол. Л., когда увидит Половцева, насядет на него и относительно нас.

26-27-Ноября 31

Париж

Друг мой милый, хорошая моя Катенька! Так много нужно мне написать вам, на все ответить и свое сказать, что просто хоть пункты ставь, по Кролю, но и то не упишется все. И, как вы, в один раз не кончу, будет с перерывами.

Однако, и это письмо еще «так себе», сравнительно с тем, в а ж н ы м, которое вскоре намеревалось вам написать и к которому буду требовать вашего и О. Л. особого внимания. Вы все хотели, чтоб я вас «обдумала». При обдумывании что-то и придумалось. Напишу вам в виде проекта, с обоснованиями, а к первой реализации (только первый!) можно будет приступить, если он вам понравится.

Но теперь о злободневии и о ваших двух письмах. Они, особенно сегодняшнее, такие — ну точно я в Клозон перелетела, сижу на ваточном одеяле, в кресле, и слышу вас, про все мне рассказывающую.

(Жаль только, что перо мне гадкое попало, и все я мажу, чего не люблю).

Видела я вашу невропатку басистую, два раза. Она сначала отказалась, потом согласилась притти, подол мне перешить. В первый раз она была веселее, имела ваше письмо в сумочке и говорила, что поедет к вашим именинам. Во второй раз оказалось, что «трудно», что выберется, разве, к Николину дню. Препятствия. Две американки, и тетя больна гриппом, и еще что-то. Я к ней со всех сторон подъезжала, чтобы иметь понятие о ее «непонятности». Вы, говорю, знаете, что там будете нужны, что Е. М.

устаает, что в прошлый приезд вы им, по словам Е. М., очень помогали; и сами вы хотите ехать, — чтож медлить? Трудно — все трудно; нужно решать все не по трудности, а по верности... Я, отвечает, денег хочу скопить, — не капитал, конечно, составить, а чтоб не очень им дорого стоить... Зубы надо лечить... И оставлять ли комнату за собой? Сестра не согласна...

Все это я из нее клещами вытягивала. Наконец, говорю: да внутренне-то решили вы ехать? Твердо? Могу я об этом написать Е. М.? — Говорит, да.

Если хотите мое резюме, то вот: по-моему, она даже не психопатка, а скорее вырожденка. В ней наверно есть куски доброго, но между ними лежат провалы какие-то, не то бессознательности и безволия, не то просто глупости. Она не может за себя отвечать, и в том н е в и н о в а т а; если бы кто-нибудь, около, держал ее в твердых рамках, и она поняла бы, что рамки твердые, на каждую минуту, и притом окончательные, она бы и не растекалась, не расползалась вся идиотски, могла бы там сидеть; себе, — и другим даже, — на пользу. То она будто что-то понимает — то вдруг ничего, пассивная глупость. Если вы, Катя, хотите с ней, как с равной быть, то кроме беспокойства для себя и чепухи для нее, ничего не будет. Еще, впрочем, опаснее для нее подчинение вашему л и ч н о м у авторитету; она очень склонна делать все для в а с, притом искренно не понимая этого, а думая, что для Бога.

Но будет пока о ней. Я хочу спросить вас поскорее, как здоровье, — вы написали, что простудились. Вот, и привычка к холоду, оказывается, не мешает. Совсем точно вам, приходится и мне прерывать письмо. Сейчас мы ходили с Тат. Ив. в нашу «Благовещенскую» церковь (Annonciation). Это неделя St. Sacrement, и во всех церквях идут непрерывные службы, горят свечи, народ не уходит, только на ночь остаются в церкви одни мужчины и двери тогда запираются.

Но продолжаю о вашем письме. Ничуть не удивил меня ваш конфликт с батюшкой. Видно же было, что он, такой спор, между вами неизбежен. Я его будто сама слышала. М. б. и права О. Л., что «не стоило», но я, в сущности, рада, что спор этот произошел, потому что в а м оказался он на пользу, и громадную. Благодаря ему, ведь, вы написали мне, сама, то, что я о вас отлично понимала раньше (могу доказать, так как есть запись моя об этом, — в Клозоне сделанная). Это про гнет над «убеждениями», про «свободу» и даже про то, что свободу, оказывается, надо искать...

в иезуитской конгрегации. Я, как раз, записывала, что моя Катя ищет, в сущности, свободы, но той высочайшей свободы духа, какую она почувствовала в Cambrai. Только надо еще было, чтобы вы, кроме всей правды и силы чувств ваших, и знали, чего именно ищете, и что можно, поняв, вынести из Cambrai и насадить в Клозон. Вот оно и случилось, и вы сами мне написали, что нужно было написать. Еще имела бы многое сказать вам, но не хочу пока затрагивать главную тему моего следующего письма и вдаваться в реальные проекты, которые имею вам предложить. Это нужно особо и очень обстоятельно. Притом потребуются и не мало земной мудрости... учитывая всю данную обстановку и данное положение, иерархическое, православия...

Я так много рассказывала о Клозоне Татьяне Ивановне (только внутреннее только ей одной) и так, должно быть, сумела ей свое передать, утверждая, что ей, как там она хочет, но необходимо тоже побыть в Клозоне, что она поняла, согласилась, и — мало этого, — вдруг прибавила: «мне даже нужно съездить с Е. Мих. в Cambrai». Сказала с убеждением. И это, права, будет хорошо!

Другим, непонимающим (вроде Аси) я, конечно, ничего, кроме им надобного, не говорю, и о «внутреннем» Клозоне не рассказываю.

В первом письме, Катенька, вы мне про Каллаш писали и все ее от меня защищали. Да я ее «разрывать» нисколько не собираюсь. Насчет елевфеврицев теперь уж все, кажется, ясно; после «послания» сего «лубянского» митрополита (вы его читали и оценили) я прочла книгу Михаила священника, от которой прямо оторваться, ведь, нельзя, так это поразительно. Фактически дано все, о чем мы здесь (не многие) верно угадывали, догадывались! После этой книги уже нет спора, что в этой елевф. церкви могут находиться только: 1) бесстыдные (как Бердяев), 2) темпераментные и взбалмошные истерички (вроде Каллаш) и 3) наивные и обманутые невежды. Последних мне очень жалко (двое из них уж с ума сошли), отчасти жаль и несчастных Каллаших, т. к. они над собой не властны, и лишь бесстыжие очень противны, ибо соблазняют «малых сих».

Илюша — равнодушен; меня, говорит, это все не интересует. Составил себе особый кружок, где много елевфеврицев (и даже евразийцев — большевизантов, вроде Шаринского). Д.С. говорит: «как же ты не интересуешься, ведь ты с елевфеврицами-чекистами за одним столом сидишь? Ведь ты читал Михаила?» А он: «это максимализм! Кому дело, кто в какой церкви? И почему?» Это

«частное дело», значит, выходит... Что вы с ним будете рассуждать? Он не о том думает...

О п я т ь п е р е р ы в.

Получила письмецо от О. Л., которую нежно целую, но в письмеце кое-чего не понимаю: я 314 fr. с копейками исправно и во время получила, так что не знаю, в чем она извиняется, причем шоффер и мои стихи. А за пакетом только сегодня какой-то юноша еврейский (кажется) пришел. Огорчило меня известие, что вы, Катенька моя, все еще больны, даже в постели лежите (читаете!). И разве есть у вас книга Михаила? И какой ее конец вас «возмутил»? Не могу догадаться. Вот статья о ней Карташова, кот., Катя, вы мне давали, и, правда, ничтожная, какая-то виляющая. Что касается наших обстоятельств, то они не блестящи, конечно, но кое-что стало, время от времени, перепадать, из Америки тысячу антибский жиденок послал, я аванс получила, да обещания из Сербии взять книги ДС. и обещание 200 марок прислать из Германии.хлопоты еще о вечере; не знаю, удадутся ли. Но у Володи — *suprême faillite*: от этой... «девицы», где он квартировал, не то его высадили, не то сам ушел, навалился на нас, спит в моей рабочей комнате. К тому же болен, лечится у Ив. Ив. (Оказалась серьезная экзема на руке, еще с Клозона). ДС. лицо свое очистил, ничего, сейчас только живот болит.

Если я сейчас не пошлю этого письма, я его никогда не кончу. Ведь десятой части всего не написала! Катенька, родная моя, я всегда с вами, всегда будто в Клозоне — и «обдумываю» вас, вместе с О. Л. и Клозоном. Целую без конца обеих, привет всем от всех, до скорого опять написания! Храни вас Господь.

Зина

И Заику не забываю, хорошо, что вы и о ней не забыли мне написать.

Декабря 31

Париж

Любимые друзья мои Катенька и Ольга Львовна,

Хочу, наконец, написать вам о том, что непрестанно занимает меня с тех пор, как я уехала из Клозона; явилось оно в результате и наших разговоров, и моего собственного, любовного,

приглядывания к вашей «горе» и вашей жизни. Я, как о том говорила Кате, многое даже записала, зная, что из этого отрывочного должно получиться, для меня, какое-то цельное сознание и какой-то вывод.

Все ваши деланья, желанья и стремленья я считаю верными и праведными; не говоря уж о главной чувствомысли Кати — **о вселенскости**, — которую я всем существом моим разделяю (считаю своей *idée-mère*). Но даже в подробностях, в оценках современной жизни, я с вами совпадаю. Например, как права Катя, ужасаясь всеми нашими русскими «сестрами» — растяпами, безответственными, самовольными истеричками, искренно, может быть, не понимающими, что они могут быть связаны хотя бы собственным словом, собственной волей... И какая вопиющая разница со всяким здешним сообществом, группой, конгрегацией, начиная с *Cambrai, Marie Passion* и т. д. и т. д. без конца! Наши — воплощенная **бесформенность**, вот главное. Пусть вина в них, но с другой стороны — где найти форму? Где место, чтобы они могли хоть понять, что жизнь во имя Божье не путешествие с остановками в гостиницах, пока гостиница нравится и хозяева приятны. Никто у нас, в данную минуту, с Евлогия начиная, первого АВТ не понимают, как и на чем основываются бесчисленные *foundations*, почему около двух скромных зачинательниц Ордена хотя бы св. Нины (нашей, кавказской, называемой также *Ste Chrétienne*) появились завтра три сестры, через полгода 30, а теперь общины все множатся, разнообразясь по «делам». Мы, вот, возмущались Гейден. А к у д а посвятил ее Евлогий? И зачем, и для чего, и что такое было это «посвящение»? Апостольник и мантию надел, и гуляй по улицам, сама не зная, почему она в этом наряде щеголяет? К Митрофановой он ее просто «сунул», своей волей (считая, что раз «посвятил», значит — его воля над ней) — и сунул так себе, потому что и приют Митрофановой — только приют; как община религиозная, Конгрегация (уж не говорю о монастыре) Митр-ва также бесформенна. Конгрегация (религиозная, даже «тайная», т. е. н е монастырь официально) должна иметь 1) *Constitution* 2) *Règles* 3) *Coutumiers*. Желаящие войти в общество должны знать эти *Règles* и сознательно принять их к исполнению, сознательно и свободно, — на известный срок. А затем уж дело учредительницы судить, годна эта сестра, или нет... и дело самой ее, конечно, по силам ли ей дальнейший обет послушания. Даже не «обет», — тут эти слова не берутся, — а «обещание».

И вот теперь я перехожу к вам и конкретности.

Мысль, собственно, такая. Сейчас я вам все расскажу, но раньше вот что: пусть, как бы вы к этому предложению ни отнеслись, оно останется пока совершенно между нами. О нем и я ни с кем не говорила даже намеком, кроме Т. Ив., которая очень все это понимает и с которой вместе мы очень можем быть полезны для выработки этих правил и конституции. Мы уже просмотрели около 16 книг всяких конгрегаций; собственно статуты каждой очень трудно достать (они их не опубликовывают), но мы постараемся. Кроме того, у Т. Ив. есть церковные связи, которые вы сейчас увидите для чего будут нужны.

Мысль, значит, такая: Клозону нужно дать форму, но отнюдь не внешнюю, официальную, а внутреннюю, однако явную и строгую. Если форма будет официальная, т. е. если Евлогий наденет на вас обеих, как на Гейден, манатейки, и объявит, к тому же, что Клозон — «обитель», — конечно: не сомневайтесь, вы будете «чурками» в руках церковного управления; **такова реальность**. Уж даже теперешнее положение лучше, вы от натисков с разных сторон хоть своими силами, по данному случаю, обороняетесь; а тогда у вас руки и ноги будут связаны. В том же порядке, о котором говорю я, вы будете опираться на вашу собственную конституцию и правила, на вашу, вами же созданную и устроенную общину, которую епископ должен, — правила и конституцию рассмотреть, — **благословить**. И только.

Очень важно, чтоб в этих основах был заложен принцип действительной свободы от усмотрений, церковного управления. Основа должна быть, конечно, очень похожа на основы католических конгрегаций, — власть настоятельницы, строгость подчинения сестер, выбор духовника и т. д. Но так как важно и от православия не отступать, то надо в формы эти влить только содержание православное. П о с у щ е с т в у от этого не пострадает ни католичество, ни православие (ибо как раз в существе-то — один Христос и там, и здесь). Тут кстати сказать о брошюре Троицкого, где он пишет что в 1860 свящ. Гумилевский в Петербурге уже сделал попытку «образовать нечто вроде католической конгрегации, почти независимой от церковной власти». В то время проект не получил одобрения, но о. Гумилевский все-таки создал нечто подобное «и лишь ранняя смерть о. Г. помешала развитию этого дела». И впоследствии попытки повторялись, но, конечно, не в том виде, в каком это нужно вообще и Клозону в частности. Да теперь время другое, и у меня есть

основания полагать, что Евлогий примет, что нужно, не путая сюда слова «дьякониссы», которое ни к чему (как и сами диаконы, которых у него довольно).

Пишу вам все это, как проект; обдумайте его и скажите откровенно, что в нем видите. Клозон должен остаться Клозоном и только приобрести, для непонимающих, свое лицо и Божью печать. Если Катя думает, что роль настоятельницы трудна, что, требуя исполнения правил, необходимо самой первой их исполнять, что нужно иметь твердость и спокойствие и что она не чувствует для всего этого сил в себе — я осмелюсь сказать, что ей и не нужно сил, и не может быть на это сил: только силой Божьей это делается. Так и Marie Passion, и все они всегда говорили, верили, знали. Наверно и Mère Cambrai тоже. Неужели Катя может верить иначе?

Просматривая же всякие эти Règle и Coutumiers — я постоянно возвращаюсь мыслью к О. Л.: ну точно она их давно все, с рождения, знала и читала — так она сейчас уже в них живет, действует, и сама — и по отношению к другим, своим.

Если в проекте что-нибудь не ясно, нужно дополнения, — спросите. Я лишь в общем написала, не зная, как еще он вам покажется. Если почему-нибудь вам это не покажется совсем — мы нашу работу насчет проекта «конституции» приостановили. При свидании, потом, поговорим. А на этом я пока это письмо кончу, несколько слов еще Кате прибавлю (и так письмо толстое). Храни вас обеих.

Зина

P.S. Ваша Николаевская община было совсем другое. По-моему, не надо как бы ее восстанавливать, — надо другое, н о в о е дело. В рисунке Cambrai.

27-12-31

Париж

Дорогая моя Ольга Львовна,

Получила утром ваше письмо и спешу, еще до Катиного (очень я тревожусь ее болезнью, жду вестей, поправилась ли) — вам ответить.

Ответ мой будет касаться одного пункта, шли соображенья,

которые явились у меня после внимательного чтения вашего письма. Это — насчет вашей Никольской Общины. Мне помнится, что я, в конце первого письма, прибавила, что, по моему разумению, не надо было бы возрождать Никольскую Общину, что дело должно бы начаться новое: — я, однако, не объяснила, почему, собственно, мне так кажется, какие у меня к тому основания. Кое-что я о Никольской общине знала, — по рассказам и мемуарам Кати, — кое-чего, конечно, не знала, — например того, что в основу ее был положен (или не в основу, а хотя бы в виде подобия) статуты конгрегации *Les petites soeurs des pauvres*. Но об этом можно поговорить подробнее после. Мне показалось, что когда вы мне писали, у вас явилась (очень естественная) мысль, нельзя ли все это «оформление» приурочить к той же Никольской общине, возродить ее, сильно реформировав, конечно. Вы об этом не говорите, но и я ничего не говорю, кроме «показалось»; тем более, что писала я вам о «невозрождении» вскользь, а явиться у вас этой мысли было так естественно! Во всяком случае, этот вопрос нельзя обойти, надо его углубить, взвесить все «за» и «против». Даже уж потому, — я понимаю, — не могла у вас не явиться мысль о Ник. О-е, — даже уж потому, сверх всего, что письмо мое пришло как раз под Николин день, и сделалось это помимо моего намерения!

Итак, все что вы обе в этом направлении уже думали, или не думали, вы мне скажете прямо и обстоятельно в следующем письме, а я ограничу свое на этот раз лишь одним, очень важным, основным взглядом на проект общины, какой она мне представлялась; и затем еще практическими соображениями насчет вашей прежней, вытекающих просто из моих наблюдений над ее судьбой в данный момент истории. Заранее признаю, что многое мне фактически неизвестно, а потому и выводы мои могут быть ошибочны.

Начнем с первого.

Всякая религиозная община, конгрегация и т. д. — если мы не будем серьезно отступать от нашего образца католических конгрегаций (а этого, думаю, не следует, и вы, думаю, со мной согласны) — имеет п е р в о й основой и целью своей, — цель чисто религиозную. Все разнообразнейшие жизненные и практические работы и цели связаны, конечно, с этой первой целью; но они — в т о р о е, а не первое. Они связаны, как тело с лицом, но л и ц о м определяется Община, и лицо у каждой свое, сколько их ни есть. Это бы лучше всего пояснить примерами, да

примеров этих тысячи! Это и «лицо», и, в то же время, «сердце» общины. Сердце, которое вот так, или вот так, вот с этой, или вот с этой стороны — почувствовало Христа. Одно чувствует постоянную обиду, наносимую Христу миром (Réparatrices всех оттенков), другое крестные Его страдания, третье — Его оставленность людьми (миссионерство), четвертое — любовь Его к людям и завет любить друг друга, пятое — Христа, служащего миру (charité), шестое — Христа распятого и воскресшего и чистоту Его Матери... И так без конца, в неисчислимых подробностях и оттенках, но в каждой общине христианской (т. е. в полноте) есть на чем-нибудь у д а р е н и е, какое-нибудь, отличающее религиозное сердце ее, «во имя». И не то, что из него вытекает ее жизнь и деятельность, но как-то вместе они рождаются. Но никогда из влечения к той или другой д е я т е л ь н о с т и у самых даже религиозных (вообще) людей не рождалась община или конгрегация, или монастырь. Так же, как не рождалась она из личного симпатизирования, из общих склонностей к какому-нибудь делу, даже при жертвенности этому общему делу. Я говорю сейчас, конечно, т о л ь к о о религиозных общинах, только. То (то, что я говорю) не легко понимается, даже и после близкого изучения предмета; но, может быть, мне-то и не легко было понять, и сотни книг для этого понадобились, да и объяснить я, как следует, этого не могу, а другой, — хотя бы Катя, — во мгновение ока поймет изнутри все, о чем я косноязычно вам лепечу. Прибавлю еще, что удивляющее нас быстрое разрастание конгрегаций, верность раз вошедших сестер, стойкость общин католических, несмотря на всевозможные перевороты, казни, революции, гонения (есть современные, родившиеся в т р е т ь е м веке, да еще в Лотарингии!) — это во многом объясняется «р е л и г и о з н ы м сердцем» общины, т. к. первое, что влечет, — оно. И если действительно привлекло оно — уже редкую заставят испугаться те или другие «règles», та или другая, ему соответственная, деятельность.

Наши русские, всякого рода, общины, все ли, всегда ли совпадали в таком строении с католическими? Нет; по каким причинам — дело сложное, мы этих причин касаться сейчас не будем. Многие на такое совпадение и не претендовали. Всякие общины сестер милосердия, Красный Крест, вплоть до бесчисленных «сестричеств» и до дьякониссы вел. кн. Елизаветы.⁵¹ Монастыри были строже, но, как общее правило (опять по тысяче всяких русских причин) и они, кроме отдельных исключений, особенно женские,

в ряд католических конгрегаций итти не могли и, во всяком случае, ко времени нашему, без реформ, не подойдут.

Теперь, значит, являются у меня к вам два вопроса, относительно которых мне нужна даже просто информация. На первый, — хотите ли вы основания конгрегации, по формам (внутренне-внешним) совпадающей, или приближающейся к католическим, — я уже отвечала себе «да», исходя из всех, без исключения, разговоров наших в Клозоне, из проникновенной тяги Кати к *Cambrai*, из ее реального чувства церковной и христианской вселенскости. Взяв это «да», предположительно, за верное и не забывая вот тех первых основ, о которых я только что говорила, я теперь и хотела бы от вас информации относительно Никольской Общины: отвечала ли она, в смысле первично-религиозной основы своей, построению любой католической конгрегации? Или же выросла она на другой почве, на которой выросли у нас другие, и самые хорошие иногда, и значительные, но не на той почве? Что статут ее приближался к статуту *Petites soeurs* — еще ничего не говорит мне. *Petites soeurs* и сейчас все на лицо, каждый день их вижу. Двадцать одну в революцию даже казнили, и ни одна не убежала от своей «*mère*». А слушая рассказы Кати о ваших никольских, старых и молодых, о Натусях, глядя на истерическую в корне — Татá, я как-то сомневаться начинала: ну да, русские растяпы, некультурные, бесформенные, — русские, словом; но ведь может и русская душа быть так **религиозно-плененной**, до сердца, что уж никуда не уйдет; и, если помощь оказать, — и форму свою найдет?

Я очень прошу вас, милая Ольга Львовна, и вас, Катюша, постараться вникнуть в то, что я вам так плохо, — но со всем старанием, — пыталась объяснить насчет п е р в о о с н о в всякой католической организации; и, вникнув, сказать, имелась ли эта первооснова в Никольской общине? Для меня тогда будет яснее, возможно ли возродить последнюю, или же держаться в *fondation* новой — нового принципа. Кроме того, для меня (все «для меня!») выяснятся более и ваши желания. А это очень важно. Я, ведь, могу ошибаться во многих моих «книжных» соображеньях; могу и не понимать своих ошибок; но и оставаясь «при особых мнениях» — я всегда готова взять на веру ваши желания и помочь вам во всем, в чем только помощь моя пригодится. Тут уже вы мне должны верить.

Жду вестей — и скорых — о Катином здоровье, веря, что вы, Ольга Львовна, без всяких «статутов» связали ее в бараний

рог, из «кельи» не выпускаете и никаких «подвизаний» — сохрани Боже! — не позволяете. Настоящей *obéissance* у нее нет, и еслиб не вы...

Зная, что ответы на столь предлинные трактаты мои требуют времени, которого у вас нет теперь, с родными гостями, — я буду терпелива. Но не скрою, что буду их все-таки ждать. А пока — целуем вас обеих, я и ДС. (он часто Клозон вспоминает!), крепко-крепко.

Христос с вами.

Ваша Зина Г.

[Без окончания]

7 Мр. 32

Париж

Дорогой мой друг Катенька!

С тех пор, как письма наши разошлись, я чуть не всякий день хотела вам писать, а потом не решалась из страха, как бы они снова не разошлись. Получив сегодня утром ваше — уже ни дня не откладываю, как видите.

«Обдумать» ваше письмо нелегко; но с помощью чувства и моего вас понимания (м. б. и не полного, но мне-то кажется, по чувству, что очень внутреннего) я кое-что вам сказать на него, на письмо это, могу.

Но раньше: о какой книге Соловьева вы говорите? «*Eglise universelle?*» Она есть у Т. И., я ее перечту. Насколько помню, он именно говорил не за католичество, а за Ц. вселенскую, в химическом соединении всех существующих. И не был за переход из одной в другую. Он был, сам-то, уже в этой церкви; тут у меня почти и сомнений нет! Но не настали сроки, а потому он был еще «сам-один». Но это даром не пропало, все-таки.

Ваше горение, Катенька милая, и все вы, тоже не должны пропасть даром, хотя для вас это непропадание должно воплотиться совсем по-другому. Не для того вам *Cambrai* было «послано», а потом письмо брата (именно послано), чтобы прибавилась одна лишняя «*sœur*» у Рима, хотя бы самая пламенная, хотя бы даже «святая», нашедшая для себя самый совершенный свет и высокую любовь. То, что вы русская (настоящая) и православная (до глубины), а притом поняли и, подкожно как-то, существом всем, ощутили свет, любовь, правду духа в *Cambrai* (в католичестве) — это-то и важно, это-то и послано, и с этим-то

даром и нужно сделать, что нужно, ни кусочка не отрезывая, ни от чего не отходя, ничего в землю не зарыв. Там, в католичестве, есть дух, благодать, веками накопленная, и вот, если вам это открылось, — вам, как вы есть, — значит, вы должны, к ней приобщившись, внести ее в наш, в ваш, пустеющий дом. Тут я вижу прямо указание. Не искать, себе-одной, правды, успокоения вот в этом, или другом, доме, а нести огонь любви и благодати туда, где его еще нет, или он едва мерцает. Это будет то действие с н и з у, наиболее сейчас реальное, не теоретическое, без которого и соединения Церквей все равно никогда не будет. Каждый из нас очень мало может сделать; незаметно мало; но из этих незаметностей большое и вырастает.

Катенька, друг мой, не верьте утешителям вашим; сейчас такой момент, что с в е р х у ни о каких соединениях даже сближениях церквей и мечтать нечего. Вы очень верно пишете о положении православия; но Римская церковь, как церковь, сейчас в полном склерозе, это я з н а ю. Я прочла одну удивительную книгу, из которой мне многое стало видно, как на ладони (книгу просто информационную, о том, чего мы в русском захолустьи и не знали вовсе). Дело вовсе и не в папе; папа лишь символ, а реально — пленник. Дело в этом окаменении церковного и н с т и т у т а; Рим на верхах — это та страшная «бюрократия», где живому Христу уже и места нет. Он и ушел в низы, в сердца вот таких *mères*, как все эти огненные подвижницы. И оттуда не уйдет. Оттого не умрет и католичество. Но сейчас т а м надо искать этот огонь, зажечь от него свою свечу, у кого она есть, кому дано ощутить и приблизиться к нему — как вам.

Оттого матушка и сказала вам, чтобы вы не оставляли Клозон. И сказала, что будет молиться о вас, и клариссы тоже. Она б о л ь ш е знает, чем говорит и даже чем может, вероятно, всеми словами сказать. Но вот малыми словами, в коротком свиданье, она, по-моему, ужасно много сказала вам!

(Перерыв. Поздно. Завтра кончу письмо).

[Без начала]

и вообще-то считаю, что для нас н е п р е р ы в н ы й юг — телесное развращение, а в данных обстоятельствах даже и душевное; если мы что-то имеем — мы должны что-то д е л а т ь; не

только «искусством» (или медитацией, как Володя) заниматься, но делать в общении с людьми. Время наше очень острое, Бердяев со своей подозрительной проповедью не устает, а мы все молчим, да мечтаем в келье под елью своим творчеством заниматься. И даже не под елью, а под пальмой... Пальму надо заслужить.

Впрочем, эта воркотня — так себе, к случаю. Увы, все кончится все таки «пальмой».

Мы пока еще никого почти не видели, из-за болезней и домашнего неблаголепия. Даже мало видим Ив. Ал-ча: он пустился в свет во всю. Если не с визитами, не в клубе Осоргина⁵² и Бердяева — то в кинематографе. Мельком видели Манухиных, теперь, из-за гриппа, не сообщаемся, хотя очень хотим обе, я и Т. Ив., повидаться. Дела их в блестящем положении. Ив. Ив. опять едет в Берлин. Я — видела и еще нескольких людей, но вы их не знаете. А что Бельведер? Они мне мало пишут, а Совр. Зап. уже сделали мне новый афронт. Просто беда, как не везет. Видела Серг. Ник-ча, он мне очень понравился. А ваша *hôtesse* — все к «зубному врачу»?

Да, вообразите: Ася — подружилась с Маклаковой! Не то, чтоб «подружилась», — с кем она подружится! Но бывает у нее, очень любезничали.

Сегодня было известие, что б-ки реквизируют, с соизволения Эррио, русскую церковь «Даги»; на том основании, что она — посольская (в Берлине им ее отдали же). Впрочем, я этому пока еще не верю.

Французы (вся мелкота) очень недовольны Эррио. Он свалится, но только, увы, слишком поздно. Помощь студентам и ученым уже прекращена (тоже требование б-ков). Невесело.

Но страшно засиделась я, спешу кончить это бесконечное письмо. Не пишу Кате отдельно, во-первых — она «ничего не читает», а во-вторых вы это письмо ей прочтете. Но целую ее крепко, о т д е л ь н о, и вас отдельно. Буду ждать вашей Терезы, — вы не забыли? Если напишете мне, успеете (вы всегда все «успеваете») — очень меня обрадуете.

Ваша Зин. Гиппиус

P.S. Часто жалею, что так и не успела с Катей как следует о ее вещах поговорить. Да ведь она не признает «свободы слова и мнения»; не успеешь собрать все мысли — а она уж спорит. Тогда я теряюсь и соглашаюсь. Не спорю, во всяком случае.

Дорогая моя Катенька, сегодня получила письмо ваше и хочу только, по вашему желанию, пока несколькими словами, но сейчас же, ответить. Хотя это и трудно, потому что уж очень много в вашем письме такого, что требует отклика. Одни ваши «искушения» чего стоят!

Но я воздерживаюсь пока, а то все затянется. Со здоровьем моим все еще ни шатко, ни валко; то ничего — то хуже, курить не хочу, и сплю скверно. Но это, конечно, пройдет, когда справлюсь с настроением. Не думаю, чтоб для вас не было новостей в п о л н о й истории с Володей. Он, ведь, никогда в с е не расскажет, а лишь понемногу открывает из своих деяний то, что уже все равно наружу выходит. Я его не жалею, что ж, раз он сам себя так жалеет и притом так глупо, что сам же идет на свою гибель; и того не сознает. Пока что растратчицей чужих денег, мне доверенных, да еще человеком, теперь умершим, выхожу я; с этим пятном, наложенным на меня нежданно и невинно, жить мне чрезвычайно трудно. Это одно. Другое, и отдельно, это его растрата последних денег Дм. С-ча, который ему доверял слепо, как ребенок. Это он растратил уже во время Клозона, на свои... За ДС. мне еще труднее «простить», чем за себя; но можно, конечно, только не думаю я, чтоб «прощение» полезно было для самого Володи, т. к. он, очевидно, не сознает, что он этим **для себя и с собой делал**. Надо бы не его, а человека в нем жалеть. И это еще опять не все, только довольно, на бумаге не стоит многого писать, даст Бог увидимся, тогда при случае поговорим. Вот только насчет «любви» к нам... Любовь то и позволила ему, что ли, такое с нами устроить? С чужими побоялся бы, что откроют, в суд притянут, а «любимые» — ничего, на себя возьмут. Я и то хранила это все от ДС. до последней возможности. Но потом уж нельзя было, все равно бы открылось. Тысячи, которую еще требовал у меня В. сверх растраченных (на свои дела), я не имела, дала ему лишь 400, а затем пришлось открыть все Д. С-чу, для кот. это был большой удар, — внутренний, помимо внешнего. Пока живем со дня на день, отказываясь от всего, от чего можно. Из Германии денег получить нельзя: всякая не то что пересылка — перевозка свыше 50 мр. в месяц карается долгосрочной тюрьмой. Осадное положение!

О Ростике слышала. А слышали ли вы о пострижении Скобцовой⁵³ сразу «великим постригом»? Развелась с мужем, детей

куда-то отдала, а сама постриглась... никуда, просто. В миссионерки, но «лично», без всякой «общины».

Насчет Митрофании здесь странные и противоречивые слухи. Но это все, как и многое другое, до след. письма. Сами хотели хоть недлинное, да скорое.

Видите ли Илюшу и Амалию? Ася жадно все Клозоном интересуется. Она, бедная, голодает, 3 раза в неделю только обедает (не дома), а дома, подозреваю, не обедает... Но упрямая, не приходит всякий день. Целую без конца, до скорой весточки, Катюша. Христос с вами, обнимаю.

З. Г.

Страстная Пятница
Париж 1932

Катенька, душенька, сердце мое, да что вы выдумываете, как я могу, и за что, на вас сердиться, да еще не прощать, если б даже было за что??! Нет, если б вы знали суету и работу, которая на меня навалилась, вместе с болезнями, так это вы бы простили мое молчание. А мне давно и страшно нужно написать вам, спросить вас, — не насчет всяких жизненных (житейских) неприятных разностей пустых, которые забыть надо, — а насчет важного и главного. Но оно такое важное, что я и сейчас не соберусь, пожалуй, все, как надо, изложить, весь этот нам — **вопрос**. У меня еще голова пустая, только вчера кончила одну вещь длинную, — сушила-сушила, и все-таки не знаю, пройдет ли через духовную (Манухинскую) и светскую (Милюковскую) цензуру.

А сейчас, несмотря на дождь, поедem мы с Д.С. на rue Daug, на плащаницу. Сегодня, ведь, вел. Пятница. Письмо хочу вам отправить без замедления, чтоб не очень поздно пришло. Хочу наиболее живо вообразить (и вы тоже вообразите) что стою перед вами в телесном виде, говорю вам «Христос Воскрес!» и трижды целую вас во уста.

Вы уж эти поцелуи передайте от меня милой Ольге Львовне. И кому заблагорассудите еще, как моя доверенная.

Вспомнила, что Вл. Сол. рассказывал, как кто-то телеграмму получил: «Христос воскрес, подробности письмом». (!) Нам с вами нечего таких писем ждать, мы, ведь, подробности сами очень хорошо знаем, неправда ли?

Грущу, что не попасть к заутрени, на Даги такая толпа, что и на дворе задушат, куча полицейских, больше ничего. Даже Манухины ездят лишь к обедне, но она начинается в 2 часа, ДС. не может всю ночь не спать. Вот когда бы нам у вас быть, в Клозоне!

Еще поцелуй от меня и от Д. С-ча, и обещаюсь свято скоро вам, миленькая сестренка моя Катя, по существу написать.

Зина

Среда. 24 ноября 33

Катенька, друг дорогой, сегодня день вашего Ангела, думаю о вас, крепко-крепко целую и радостно желаю вам мира душевного и всякого Господнего утешения. И солнечного луча, и здоровья вам и всем, кого вы любите. Пишу всего несколько строк, но непременно хочу сегодня, именно в день, когда чувствую вас и вашего Ангела; и знаю, что вы тоже вспомнили, хоть разок, обо мне. ДС. тоже обнимает и поздравляет вас.

Еще целую без конца.

Ваша Зина

О. Л. поздравляю с дорогой именинницей.

23 Апр. 34, Париж

Друг любимый, Катенька. Вы не поверите, как мне грустно ничего о вас не знать так долго, о жизни вашей ни внутренней, ни внешней. Только из вторых рук все сведения, — о внешней, конечно. Сведения, впрочем, все сходятся, все печальные, и, думаю, верные. Положим, и без них не трудно представить себе тягость Клозонской жизни. Недавно я встретила Сазонову;⁵⁴ она говорила, что платных детей у вас всего трое, на этом не далеко уедешь. Были еще слухи о нездоровье Ольги Львовны, но Амалия писала мне, что недавно получила от вас весточку, и что вы оба здоровы. Но вы мне как-нибудь урывочками да напишите обо всем подробно. Испанка, очевидно, ухнула, так я и полагала, уж слишком ее обещания были заманчивы. Такое никогда не выходит. Главное же, напишите мне о в н у т р е н н е м, где вы находитесь сейчас на новом вашем пути? Одного я боялась бы

для вас в катол. церкви: той железной obéissance, дисциплины, к которой мы, русские, не привыкли, и которая, быть может, не совсем в нашей натуре. Ведь есть даже в правилах: «повиноваться, как труп». Наши «старцы» тоже требовали повиновения; но и старцы — русские, да и вольно принять послушание личности не совсем то, что лежит в организации.

Впрочем, я говорю это так, без особых оснований, а в виде попутного соображения, пришедшего мне в голову. Я вас хорошо знаю, но те, кто будут иметь к вам непосредственное отношение, знают людей, умеют узнавать каждого. Нужно это помнить. Не будем же дальше рассуждать, я жду новейших от вас вестей.

О нас писать почти нечего. Все то же; материально — постепенное ухудшение, обветшание. Перспектива лета в Париже (которое это будет?) с той разницей, что нынче и на лекции никуда не поедем, не приглашают. Дм. С. пишет Франциска Ассизского, очень, слава Богу, увлечен, когда не одолевает мысль о катастрофе; ведь может случиться, что мы и квартиру не сохраним, к тому идет. Живем мы очень одиноко, буквально никого не видим, кроме нескольких молодых литераторов (маляров, шофферов, землекопов и т. д.), которые приходят по воскресеньям. И приходят все голодные. За неделю же мы сидим одни, теперь я не выдаюсь даже с Манухиными, — странные очень они люди! Бывает Ася, тоже всегда в трансе от обнищания и безработицы, — ну, вы ее знаете!

Напишите мне, что Бунин, часто ли бывает у вас Верочка. Здесь у всех впечатление, что Бунин как-то скрылся, по советскому выражению — «смылся»; ни о нем, ни о его присных, — ни слуха; впрочем, никто о нем много и не думает. Удивительно вы о нем написали тогда, в письме, что мне О. Л. переслала. Я нахожу, что там нет «осуждения», а только большая горечь — за него. Но, может быть, мы чего-то не знаем, не понимаем, может быть, Бог ему так все и назначил, а нам не только в чем-нибудь осуждать его, но и судить не подобает. Розанов⁵⁵ очень верно сказал раз: «ни один человек не достоин суда, всякий достоин только жалости». И вот это я часто к Бунину чувствую.

Я видела «жену вредителя», Чернавину,⁵⁶ знаете, которые так ужасно бежали, с ребенком, из Соловков. Она оставила больного мужа и сына в Гельсингфорсе, приехала сюда одна, лекциями подработать. Ее слушают, но все это все знают, и что весь народ извергов ненавидит, и что они не свалятся без катастрофы (войны)... Но иностранцы не хотят ничего знать, нам же она словами

главного (духа) рассказать не может, мы только чувствуем этот смертный дух, которым она еще обвеяна. Что делать, иной раз и возопиешь из преисподней: доколе, Господи?

Каждое воскресенье ходим мы с Дм. С. к маленькой Терезе. Я так привыкла к тихому свету этой *Chapelle*, что мне там как-то уютнее, чем на *rue Daru*. Об о. Стефане я слышала. Его, кажется, особенно любит манухинская Варв. Кирилловна. Однако... впрочем, Бог с ним, хорошо, что он от вас уехал. И как будто раньше, чем сам хотел... Но я ничего не знаю. Катюша милая, родной друг, целую вас без счета, и С. Л. милую. Когда приведет нам Бог увидеться? Вот будь испанка... но что жалеть о неосуществимом? Жду весточки, не забывайте меня. Христос с вами.

Ваша всегда

Зина

Холод у нас собачий, после трех дней ужасной жары. А у вас?

31-1-35

Париж

Дорогой друг Катенька.

Давно уж хотела писать вам, каждый день намечала для ответа, и все не выходило. По Парижу ходят сплетни, что мы какие-то богатые милости получили в Риме, то это все вздор, и мы сейчас находимся в одной из самых злостных *impasses*, в самом близком общении с францисковой *Dame Pauvreté*! Впрочем, это дело такое обычное, что не стоит останавливаться. Лучше о другом, более интересном. О том, о чем я (все время думая о вас и об О. Л.) говорила в Риме с Вяч. Ивановым⁵⁷ и потом, здесь, долго с Извольской.⁵⁸ Все это сходится, а Извольская сообщила мне, что подробно вам тоже писала. Не знаю, со всех ли сторон, как мне, известны ей не только вы, но и ваша «история», и все данные обстоятельства сегодняшней вашей жизни (впрочем, о вас лично она не без проникновения сказала, что вы человек не только религиозный, но и «литургический»). Я же, оставляя в стороне мое собственное мнение насчет «переходов» (которое за общее правило не выдаю) — хочу рассмотреть ваш план со всех точек зрения, вплоть до реальных. Как вы теперь знаете, папа не желает перехода православных в «латинство»; должен быть принят ими «восточный обряд», и директивы Ватикана тут совер-

шенно определены. И не вы, конечно, могли бы пойти против них, ибо ваше воздыхание слишком искренно и глубоко. Между тем, — как вы опять знаете, — церковь католическая в этой стороне, т. е. в «восточном обряде», находится в состоянии первой реализации, требует дальнейшего и дальнейшего творчества; до такой степени, что обычный католич. *clergé* (не говоря о правосл. священниках) крайне мало тут знает и понимает. Может даже случаться, что иной, без разбора, будет переводить православных прямо в латинство, с соответственными, чисто-внешними, требованиями. Надо, чтобы вы все время имели это ввиду. И дальше, о вас. Переход ваш в кат. восточного обряда обставлен реальными трудностями, особыми, благодаря именно вашему пребыванию на Ривьере, в Клозоне, и не имением там ни нужных руководителей, ни церквей, вообще редких. Из-за этого не только факт присоединения, но и дальнейшая церковная жизнь ваша останется вне руководства и священников (Извольская писала вам о Марселе? Но он там, священник, один, и это далеко). Теперь, допустим, что вы все-таки переходите в латинство (о чем, кажется, до сих пор еще шла речь). Этим вы, во-первых, лишаетесь многого, что навеки праведно и дорого в православии и, тем самым, веры, что вступаете во вселенскую церковь; во-вторых — вы будете знать, что идете против желания Рима. А это желание я вполне понимаю. Когда первосвященник дает право, принявшему «восточный обряд» католику, приобщаться и по латинскому обряду, и по православному (даже прямо у любого священника, за неимением своего) — он думает именно о **кафоличности**, т. е. о единстве церкви.

Наконец — о вас в самом **внешнем**, но его надо же иметь ввиду, даже если решиться не учитывать: в обоих случаях, — присоединения к восточному ли обряду, к латинству ли, — вы наверно лишитесь всех русских детей. Другое дело, справедливо ли это, или нет; в вопрос, который и вы затрагиваете, как отразится ваша перемена на детях, — я пока не вхожу тоже. Я только считаю, что в данный момент, при данном уровне эмиграции, более, чем вероятно, что русских детей у вас вовсе не будет.

Катенька, родная моя, об одном прошу: не думайте, что я в чем-нибудь вас убеждаю, или разубеждаю; я попрежнему верю, что Господь вас ведет по вашему пути. Но Он же дает и знаки, их надо понимать, как ап. Павел говорил о молитве, — и сердцем, и умом. Угадать Его волю. Вот тут-то на вас с О. Л., на ваш

сердце-ум, я и надеюсь. Не мне вам указывать и советовать, хотя п о с л у ж и т ь вам, чем могу и как могу, всегда готова.

В отношении фактической информации Извольская вам может быть очень полезна, как и здешняя Белобородова.⁵⁹

Теперь, дорогая, стану ждать весточки о том, как живете, когда переезд в «усадыбу», что Инес, и вообще что у вас делается. Холодно, я думаю. У нас — совсем мороз. Ася бросила квартиру, свою рухлядь свалила ко мне, а сама устроилась в пустой кухне своего родственника. Нищета повсюду; а большевики сидят-посиживают и международной любовью гордятся. Получаете ли вы что-нибудь из России? Хотя больш-ки и фанфаронят, а внутри им, кажется, уже не сладко, — боязно.

Целую вас без счета, сколько люблю, обнимаю О. Л., и жду строчки... или строчек.

Христос с вами

Зина

10 Мар. 35

Поздравляю со [неразб.]

Катюша, друг мой! *Force majeure!* Писать — для меня **физическое** страдание. (Неужели иначе давно не написала бы, не поздравила, а в другом — не утешила, как могу?) После пяти гриппов и 2-х ангин у меня, вот уже больше 6 недель (нет, 10-ти) болит правая рука, да так, что едва могу спать ночью! Я терпеливо это принимаю, но подумайте, ведь это мое «орудие производства», и как ни мало могу заработать, а все-таки! Теперь же и письма не написать. Никому 2 месяца не могу ни строчки.

Когда, дней 5 тому назад, нога болела — куда лучше, ведь мы тогда уехали в *Cannet* — солнечные ванны; теперь надо покоряться.

Но довольно об этом, надо лишь, чтобы вы знали, что я вас не «бросила» и ничего подобного вообще не может случиться. Много-много чего хотела бы вам написать, и чуть будет лучше руке — непременно все скажу. Амалия о ч е н ь плоха, Илюша в психозе, ничего не понимает и никто его не видит. Ее уже не лечат, доктора отказались, а Ив. Ив-чу еврейский кагал (окружение) сам отказал, несмотря ни на что. Бунина тоже никто не видит, а когда раз, на улице, мы его заметили в семи шагах, он,

как заяц, перебежал на другую сторону, чтобы не встретиться (??). Целую крепко-крепко, еще раз, дорогие, поздравляю с переходом (illegible).

Д. С. кланяется. Молодцом переносит наши «pauvreté», — да и я тоже, как ни трудно.

Ваша Зина

Как только руке станет лучше, так хочу о Сене написать. Она точно «просит» меня.

Напишите, как у вас и все вообще подробно.

29-8-35

Paris

Катенька, друг милый! Всякий день собиралась писать вам еще раньше получения вашего письма. Уже очень давно мы не перекидывались вестями. Теперь хочу вам на все ответить, да не знаю, успею ли сразу. Вы меня не совсем поймете, если я вам скажу про мою занятость: ибо такими делами, как я сейчас, вы годы занимаетесь и умеете их делать; я же — ничего не умею, никогда не умела, всю жизнь занимаясь писаньем! К тому же у меня такая несчастная психология, что я за что ни примусь, все хочу сделать в наибольшем, по силам, совершенстве. От этого я трачу, на нынешние свои дела, втрое дольше времени, притом, т. к. физических сил мало, то мало чего достигаю, все равно! Лезу мыть зеркало — ничего не выходит; стираю мохнатую простыню — и не только выжать, а почти поднять ее не могу. Если бы Володя варил суп, то вышло бы много несчастий: что вода кипит, я, по глухоте, не слышу, а по близорукости и не вижу. У Володи же, кроме супа, еще по горло дела: он чистит прислужью комнату, куда должен переехать. Мы бы давно бросили квартиру, но нет с чем сняться: надо все налоги вперед заплатить, и вперед, на другой. У нас же... ну, что об этом! Сами это слишком знаете. Пишу для того, главным образом, чтобы сказать: Володя непременно пойдет, куда надо, по поводу *carte d'id.* вашей, но не раньше нескольких дней. К тому же сейчас никого нигде нет: Париж на редкость пуст. Только вот такие, как мы, сидим, в полной покинутости. Куда уж, дорогая, к вам ехать, какой уж отдых, какой 3-й класс до Ниццы, хоть бы на билет

в автобусе во 2-м, до Etoile хватило после 19 Сентября, а до 1 Окт. на Володин суп. Однако, мы не унываем; т. е. унываем, но не в одно время с ДС. Когда он беспокоится — я бодр; и обратно. Каждое воскресенье ходил к Терезе: *confiance!* В будущее воскресенье поставлю ей свечку от вас, а вы вспомните меня и ее: (2 Сент., часа в 4 1/2-5) Хорошо? Может быть, она попросит за нас и вас, чтобы нам еще свидеться.

Очень радуюсь я, что Господь дал вам такое ясное состояние души, такое счастливое. Не понимаю я ваших друзей — противников вашего «перехода»; кажется, большинство обиделось, что вы им этого заранее не объявили. Реагируют же по-разному. Слезы Каллаш мне все-таки симпатичнее (хотя много в них и «досады»), нежели реакция Аси. Но что об Асе? Она не столько христианка, сколько клерикалка. И она не виновата, что многого не понимает. Я, ведь, тоже не скрывала от вас моего личного мнения насчет «переходов»; но это другое, и вы ни моего взгляда, ни другого чьего-нибудь подобного, в грех, я знаю, не ставите. Именно потому, что я понимаю, что я душу человеческую отдаю на суд одному Богу, а воли Его не знаю.

Оцупа⁶⁰ я, правда, давно не видала. Какого это мальчика он вам привез? Из братьев Николай Оцуп более симпатичен. И он ловкий, умеет оборачиваться. Если еще приедет к вам, попеняйте ему, что он нас забыл.

По вашим, Катенька, описаниям — вы меня простите — я мало-что поняла о Ведипе. Нет ли у вас фотографии? Мне так бы хотелось поживее вас вообразить теперь!

Пусть милая Ольга Львовна меня простит, что я не прислала ей поздравления к 11 Июля. Все числа русские у меня перепутались, поздно узнала. Обнимаю вас обеих с любовью, храни вас Господь.

Ваша Зина

Воскресенье

Катенька дорогая моя, два словечка: мы взяли билеты на субботу 19-го, будем, значит, в Антибах в соответственное время 20-го, в воскресенье.

Из дела нашего ничего не вышло, напрасно только сидели и ждали. Английский кризис съел, а германский нас и вовсе, ка-

жется, доглодает. Ну да чтож делать, все мы все время погибаем и погибнуть не можем! Вот Володя очень уж духом пал, это нехорошо. Все, ведь, в Божьей воле.

Здесь холод ужасный; конечно не будет очень тепло и в Клозоне, но я уж знаю, что в этих случаях надо маленькую Терезу вспоминать: она всю жизнь от холода страдала, ей даже и покрываться не позволяли, — и ничего! Но я рада, что хоть от Парижа отдохну! И вас увижу наконец. До скорого свиданья, целую без конца.

Зина

1 Июля 39 [?]

Париж

Катенька, дорогая! Столько времени не писала вам. Все это из-за руки противной. Хотя ей гораздо лучше, но писать нормально еще не могу. Написала о бедной Амалии⁶¹ (вы читали в П.Н.?) и стало на время хуже. Поэтому и вам сейчас пишу не так длинно, как бы хотела. Только поцеловать вас крепко и сказать, что помню всегда и верно люблю.

О вашем переходе я никому ни слова не говорила, — вы просили, да я и сама желала, пока, не выслушивать возможных суждений от посторонних. Но это уже известно: вчера пришла Ася и сообщила мне эту «сенсационную новость», переданную ей Каллаш, которая «в полном возмущении!» Тут я, признаться, порадовалась: пусть она позлится, попортит крови, так ей и надо, не лезла бы с большевицким Петелем^{61bis} к вам, в свое время. Ну да что теперь прошлое поминать, все отошло без возврата. Мои же мысли и о Петель, и о переходах вообще, вы всегда знали; как и то, что я, прежде всего, уважаю чужую свободу в таких серьезных делах.

5 Июля

Вот и я прервала мое письмо на целых 5 дней! Не могу вам рассказать даже, отчего перерыв этот получился: так все нездоровилось, все из рук валилось. И тут же надо было сопровождать Д. С-ча в некоторых его демаршах — в смысле «борьбы за су-

ществование». Но уж скоро, кажется, всякая борьба прекратится, такие сюрпризы каждый день. Французы пенсию уменьшили **вдвое** (т. е. остаток вдвое), и это без предупреждения, т. ч. Куприной⁶² чуть дурно не сделалось: у них 2 терма не плачено, а он почти ослеп. Удивляюсь, как Бунин хоть ему свою часть, — гроши, не уступит, а все требует, чтоб ДС. за него получал и ему отправлял.

Никто не знает вашего Беиод, но направление, как будто, я себе представляю. Не между ли Moujip и Vence где-то? Там леса, но не такие высокие, как в Клозоне. Буду ждать вашего письмеца с громадным нетерпением, хочу все знать о вашей жизни как внешней, так и внутренней. Очень грущу, что не увидимся: мы не только никуда уехать не можем, мы и без движения-то не понимаем, как выживем. Прислуге я отказала, а с квартирой — придется в этот месяц что-нибудь подыскать и переехать, если на переезд найдем. Нас Рим подкосил, — никакого ответа не получили на запросы издателю. А Муссолини ввязался в войну, и там довольно скверно.

Самое тяжелое — это всесветный триумф большевиков. Все им лижут пятки, особенно французы, и они в полном самоупоении наглости. И подчас — нет-нет — а возропщешь: доколе же, Господи?!?

Православное моление об Амалии, не панихида, а что-то вроде, — очень мне не понравилось: служил Булгаков,⁶³ и все время будто «оправдывался», что говорит о еврейке. Да и никому не понравилось.

Илюша был очень бодр (А. перед смертью обещала, что все время будет с ним). Теперь как-то загрустил... Да, уж он не женится, как Милюков — через 2 недели после похорон жены: переменил квартиру и в мэрии повенчался.

Вот, душенька моя, письмецо, за которое прошу не рассердиться: я стала прегадкая «писательница». Обнимаю О. Л-ну, крепко-крепко целую вас и о ч е н ь жду строчки, — нет, странички; — ваша «строчка» скажет мне мало, при разгонистости.

Ваша Зин.

ПРИМЕЧАНИЯ

45. Вероятно граф Александр Александрович Салтыков (1865-194?), автор нескольких сборников песен и сонетов, а также воспоминаний о Владими́ре Соловьёве (см. *Встречи*, №5 [1924], 214-218).
46. См. Темира Пахмусс «Зинаида Гиппиус: Выбор?» *Возрождение*, № 222 (1970), 50-57, а также *Between Paris and St. Petersburg*, *op. cit.*, 257-278.
47. *Иллюстрированная Россия* (Париж, 1924-1939), двухнедельный литературный иллюстрированный журнал. Ред. М. Миронов — с 1931 г.
48. Галина Николаевна Кузнецова (1898-1975), автор воспоминаний *Грасский дневник* (Вашингтон, США, 1967) о жизни с Буниным в Грассе и нескольких сборников стихов. Печаталась в журнале *Новый дом* (Париж, 1926-1927) и других русских журналах в эмиграции.
49. Мария Александровна Каллаш (литер. псевдоним М. Курдюмов). Автор книги *О Розанове* (Париж, 1929), *Сердце смятенное* (Париж, 1934) и т. д.
50. Николай Александрович Бердяев (1874-1948), выдающийся русский философ, автор многих трудов, например, *Миросозерцание Достоевского* (Париж, 1923). См. о нем в *Intellect and Ideas in Action*, *op. cit.*, 141-167.
51. Августейшая настоятельница Марфо-Мариинской обители, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, старшая сестра Императрицы Александры Федоровны. Убита, заживо брошена в угольную шахту, вместе с Великими Князьями Сергеем Михайловичем, Иоанном Константиновичем, Константином Константиновичем и Игорем Константиновичем, большевиками в ночь на 18-ое июля 1918 г.
52. Михаил Андреевич Ильин (1878-1942; литературный псевдоним М. Осоргин). Автор романов *Сивцев вражек* (Париж, 1928), *Повесть о сестре* (Париж, 1931), *Свидетель истории* (Париж, 1932), *Книга о концах* (Берлин, 1935) и других произведений.
53. Мария, мать, монахиня Мария, Кузьмина-Караваева, Елизавета Юрьевна, во втором браке Скобцова-Кондратьева (1891-1945; урожд. Пиленко). Автор сборников стихов *Лирические черепки* (Скт. Петербург, 1912), *Руфь* (Петроград, 1916), повести о вероучителе-чудотворце *Юрали* (Скт. Петербург, 1915) и т. д. В 1932 г., после развода со вторым мужем, приняла монашество. Арестованная Гестапо, погибла в концентрационном лагере Buchenwald.
54. Юлия Леонидовна Сазонова (род. 1887; урожд. Слонимская), сотрудник ежемесячного литературно-художественного журнала *Новоселье* (Нью-Йорк, 1942-1950; ред. С. Прегель).

55. Василий Васильевич Розанов (1856-1919), философ, писатель и публицист. Гиппиус с восхищением читала книги и статьи Розанова, видя в них «блеск и гениальность мысли». Большой друг Мережковских.
56. Татьяна Ивановна Чернавина, автор статьи «Об условиях литературной работы в СССР», *Современные записки*, № 56 (1934), 403-413, и нескольких рецензий о дневниках М. Шагинян, И. Солоневича «Молодежь и ГПУ», М. Никонова-Смородина «Красная каторга» и т. д.
57. Вячеслав Иванович Иванов (1886-1949), выдающийся ученый, поэт и драматург. Автор сборников стихов *Кормчие звезды* (Скт Петербург, 1903), *Прозрачность* (Москва, 1904), *Прометей* (Петроград, 1919) и множества других произведений, как, например, «Родное и вселенское» (Москва, 1917). Профессор славянских языков в Римском университете, большой друг Мережковских со времен его знаменитых «Ивановских сред» в Петербурге 1905-1907.
58. Елена Александровна Извольская (1895-197?), преданный друг Марины Цветаевой (см. ее статью «Поэт обреченности; из воспоминаний о Марине Цветаевой», *Воздушные пути*, № 3 [1963], 150-160, и «Тень на стенах», *Опыты*, № 3 [1954], 152-159). Автор книг *Американские святые и подвижники* (Нью-Йорк, 1959), *Явление Гваделупской Божьей Матери* (Лафетт, Орегон, 1965) и др. произведений на русском, французском и английском языках.
59. Вероятно Белобородова, автор сборника для детей *Вечно родное* (Стокгольм: «Северные огни», 1923?).
60. Николай Авдеевич Оцуп (1894-1958), автор сборников стихов *Град* (Берлин, 1921), *В дыму* (Париж, 1926), *Дневники в стихах*, 1935-1950 (Париж, 1950), драмы в стихах *Три царя* (Париж, 1958) и воспоминаний *Современники* (Париж, 1961). Арестованный Гестапо во время Второй мировой войны, он сбежал и принял участие в итальянском Сопротивлении. Гиппиус очень дружелюбно относилась к нему как к поэту и человеку большой культуры.
61. См. статью Гиппиус «Единственная» в сб. *Памяти Амалии Осиповны Фондаминской* (Париж, 1937).
- 61bis. Улица в Париже, на которой находится до сих пор церковь, оставшаяся в юрисдикции Московской Патриархии.
62. Елизавета Маврикиевна Куприна, жена писателя Александра Ивановича Куприна (1870-1938).
63. Протоиерей Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944). Декан в Сергиевской духовной академии в Париже с 1925 г.